

Франк Семен Людвигович

Душа человека

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С30

С30 **Семен Людвигович Ф.**
Душа человека / Франк Семен Людвигович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
261 с.

ISBN 978-5-521-28607-2

Содержание: Философия История философии Русская философия Философская и общественная мысль России XIX - начала XX в. 1895-1917 Русский интуитивизм Франк Семен Людвигович (1877-1950) - философ Отдельные произведения и тематические сборники

ISBN 978-5-521-28607-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

не въ слишкомъ отдаленномъ будущемъ. Всѣ три работы совмѣстно должны, такимъ образомъ, составить нѣкую „трилогію“, въ которую для самого автора непосредственно выливается изложеніе основного содержанія и строенія его философскаго міросозерцанія,—безъ того, конечно, чтобы онъ претендовалъ этимъ дать сколько нибудь объективно-исчерпывающее изложеніе цѣльной, всеобъемлющей философской системы.

Авторъ приноситъ искреннюю благодарность Историко-Филологическому факультету Петроградскаго Университета за напечатаніе его труда въ „Запискахъ“ факультета.

Августъ 1916 г.

Р. С. Въ силу ненормальныхъ типографскихъ условій, печатаніе книги значительно задержалось. Ей суждено выйти въ свѣтъ въ моментъ, когда русскому обществу, среди тягчайшихъ испытаній родины,—казалось бы—не до науки вообще, а тѣмъ болѣе, не до отвлеченныхъ философскихъ размышленій. Но если въ этой книгѣ есть вообще что либо цѣнное, то авторъ смѣетъ надѣяться, что она не окажется бесполезной и въ настоящую минуту. Ибо въ чемъ бы ни заключался конкретно выходъ изъ переживаемого нами тяжелаго кризиса, не подлежитъ сомнѣнію, что единственный путь къ нему—повышеніе духовнаго уровня нашей культуры, углубленіе плоскости обсужденія всѣхъ жизненныхъ вопросовъ, преодоленіе всяческаго невѣжества, варварства и одичанія. Въ этомъ смыслѣ и философъ имѣетъ право вѣрить, что своей независимой мыслью онъ посылно содѣйствуетъ духовному и общественному возрожденію своей родины.

Петроградъ
Іюль 1917 г.

С. Франкъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Вступленіе. О понятіи и задачахъ философской психологіи.	1—30
Наука о душѣ и эмпирическая психологія — стр. 1.— Религіозная интуиція и систематическое знаніе въ ученіи о душѣ — 4.— Возможность опытнаго знанія о душѣ — 10.— Предметъ философской психологіи — 19.— Философская психологія въ условіяхъ современнаго философскаго развитія — 21.— Заключение: задачи философской психологіи — 29.	
Часть первая. Стихіа душевной жизни.	31—130
Глава I. Міръ душевной жизни.	33—58
Трудности отграниченія душевной жизни отъ объективнаго бытія — 33.— Теорія т. наз. „функциональной психологіи“ и ея недостаточность — 36.— Душевная жизнь, какъ стихія „переживанія“ — 42.— Душевная жизнь, какъ особый міръ, и задачи опытнаго его познанія — 50.— Заключение — 57.	
Глава II. Душевная жизнь и сознаніе. Подсознательное. . .	59—91
Три смысла понятія сознанія: сознаніе, какъ переживаніе, какъ предметное сознаніе и какъ самосознаніе — 59.— Отношеніе душевной жизни къ сознанію — 68.— Факты подсознательной душевной жизни — 73.— Косвенныя основанія для допущенія подсознательной душевной жизни — 76.— Подсознательное въ свѣтъ чистаго самонаблюденія — 79.— Чистое переживаніе, какъ непосредственное бытіе — 84.— Сознанность и сила переживанія — 88.	
Глава III. Основныя черты душевной жизни.	92—107
Такъ называемая „непротяженность“ душевной жизни и ея подлинный смыслъ: неизмѣримость душевной жизни — 92.— Единство душевной жизни и его конкретный характеръ — 96.— Неограниченность душевной жизни — 101.— Невременность душевной жизни — 104.	
Глава IV. Составъ душевной жизни.	108—130
Методологическія основы анализа состава душевной жизни — 108.— Единство ощущеній и представлений съ чувствами — 112.— Значеніе образовъ, какъ зачатковъ предметнаго сознанія — 118.— Волевая сторона душевной жизни: общій динамизмъ душевной жизни — 120.— Составъ душевнаго динамизма: переживаніе измѣнчивости и моментъ первичныхъ оцѣнокъ-стремленій — 122.— Заключение — 129.	

Часть вторая. Конкретная душевная жизнь и ее формирующая сила 131—252

Глава V. Душа, как формирующее единство 133—165

Понятие души, как формирующего начала душевной жизни—133.—Первичная целесообразность душевной жизни и предполагаемое ею формирующее единство—137.—Формирующее единство и стихия душевной жизни—143.—Чувственно-эмоциональное и сверхчувственно-волевое начало души—146.—Идеально-разумное или духовное формирующее единство—153.—Раздельность формирующих инстанций душевной жизни и единство душевного бытия—158.

Глава VI. Душа, как носитель знания 166—190

Общая природа и условия возможности знания—166.—Влияние душевной жизни на знание: ограниченность чувственного материала знания и ее значение—172.—Формирующее действие внимания и предметный мирок человека—176.—Природа и значение памяти—182.—Индивидуальное сознание и его отношение к объективному бытию и знанию—187.

Глава VII. Душа, как единство духовной жизни 191—220

Непосредственное создание абсолютного корня „я“ и идея бессмертия—191.—Слитность душевной жизни с абсолютным бытием и внутренняя духовная жизнь—195.—Предметная сторона духовной жизни: проблема так назыв. „вчувствования“—200.—Духовная жизнь, как единство жизни и знания—204.—Творчески-объективное значение личности, как единства духовной жизни—208.—Единичность, общность и индивидуальность душевного бытия—212.—Духовная жизнь, как форма и стадия сознания, и ее общее значение—218.

Глава VIII. Душа и тело 221—252

Значение психофизической проблемы—221.—Влияние тела на предметное сознание и душевную жизнь—223.—Пространственно-временная зависимость души от тела и пределы этой зависимости—226.—Внутренние условия этой зависимости—231.—Критика теории „психофизического параллелизма“—234.—Полный характер взаимозависимости между душевной жизнью и телесными явлениями—243.—Онтологическое объяснение природы и возможности этой взаимозависимости—247.—Общее заключение—251.

ВСТУПЛЕНИЕ.

О понятіи и задачахъ философской психологіи.

Изъ всѣхъ заблужденій человѣческаго ума самымъ страннымъ мнѣ всегда казалось то, что онъ могъ дойти до мысли сомнѣваться въ своемъ собственномъ существѣ или разсматривать его только, какъ пріобрѣтенный продуктъ внѣшней природы, вѣдомой намъ лишь изъ вторыхъ рукъ,—черезъ посредство того самаго духа, который мы отрицаемъ.

Лотце.

I.

Будущій историкъ нашей современной духовной культуры вѣроятно, съ удивленіемъ отмѣтитъ, какъ одинъ изъ характернѣйшихъ ея признаковъ, отсутствіе въ ней какого-либо определеннаго и признаннаго ученія о сущности человѣческой души и о мѣстѣ человѣка и его духовной жизни въ общей системѣ сущаго. Гегель нѣкогда удивлялся „зрѣлищу народа безъ собственной метафизики“. Еще болѣе, быть можетъ, изумительна возможность отсутствія и той части метафизики, которая касается вопроса о существѣ самого человѣка и разъясняетъ чело-вѣку его жизнь; замѣчательно, что въ теченіе относительно дли-тельныхъ періодовъ (измѣряемыхъ нѣсколькими десятилѣтіями) чело-вѣчество, повидимому, способно терять научный интересъ къ себѣ самому и жить, не понимая смысла и существа своей жизни. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло съ нашей эпо-хой, начиная съ момента, когда единственнымъ официально при-знаннымъ философскимъ ученіемъ о человѣческой жизни стала такъ называемая эмпирическая психологія, которая сама объяви-ла себя „психологіей безъ души“. Не замѣчательно ли, въ са-момъ дѣлѣ, что со времени, по меньшей мѣрѣ, „Микрокосма“

Лотце вплоть до работъ Бергсона, лишь въ наши дни обратившихъ на себя вниманіе, не появилось, кажется, ни одного заслуживающаго упоминанія научно-философскаго произведенія о природѣ души?

Когда въ настоящее время заинтересовываешься этимъ—казалось бы, не слишкомъ специальнымъ!—вопросомъ и ищешь какихъ-либо указаній и поученій въ современной литературѣ (какъ это пришлось дѣлать автору этихъ строкъ), то съ изумленіемъ и почти съ отчаяніемъ убѣждаешься, что такой литературы *вообще почти не существуетъ*. Находишь богатый запасъ глубокихъ мыслей и цѣнныхъ соображеній въ древней философіи—у Платона, Аристотеля, стоиковъ и Плотина, въ христіанской философіи (бл. Августина!), въ мистической литературѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени (достаточно упомянуть глубокомысленное ученіе Каббалы и родственныя ему идеи Якова Беме, С.-Мартэна и Баадера); уже гораздо бѣднѣе идеями по этому вопросу признанные школьною традиціей классическіе авторитеты такъ называемой „новой философіи“: здѣсь уже какъ будто начинается пустыня, лишь изрѣдка прерываемая такими богатыми оазисами, какъ Лейбницъ, Шеллингъ и Мэнъ-де-Биранъ. Со времени же Шеллинга и Мэнъ-де-Бирана идетъ почти сплошная пустыня и приходится питаться едва ли не одними воспоминаніями.

Конечно, сторонники нынѣшней эмпирической или даже „экспериментальной“ психологіи скажутъ, что то, что мы называемъ, пустыней, есть хотя и скромная по виду, но плодородная нива, возвращенная послѣ того, какъ планомѣрными усиліями опомнишагося научнаго сознанія была выкорчевана и выполота роскошная, но безплодная и ядовитая растительность старой „метафизики“. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ спорный вопросъ о возможности и значеніи такъ называемой „метафизики“ (напомнимъ лишь въ этомъ отношеніи, что наше время явственно приступило къ перерѣшенію этого вопроса). Если бы было доказано, что старыя ученія о душѣ были произвольны и ненаучны, и что новой наукѣ удалось замѣнить ихъ дѣйствительно точнымъ и обоснованнымъ знаніемъ, то былъ бы дѣйствительно обнаруженъ прогрессъ въ этой области. И мы охотно готовы признать, что сама идея *опытнаго* психологическаго знанія—только при достаточно глубокомъ и ясномъ понятіи „опыта“—есть дѣйствительно цѣнное достиженіе XIX вѣка, по сравненію съ господствовавшей въ XVII—XVIII вѣкахъ въ этой об-

лости безплодной раціоналістической схоластикой. Но дѣло тутъ вообще не въ относительной цѣнности двухъ разныхъ *методовъ* одной науки, а въ простомъ *вытѣсненіи* одной науки *совсѣмъ другою*, хотя и сохраняющей слабые слѣды родства съ первой, но имѣющей по существу *совсѣмъ иной предметъ*. Мы не стоимъ передъ фактомъ смѣны однихъ ученій о душѣ другими (по содержанію и характеру), а передъ фактомъ совершеннаго устраниенія ученій о душѣ и замѣны ихъ ученіями о законмѣрностяхъ такъ называемыхъ „душевныхъ явленій“, оторванныхъ отъ ихъ внутренней почвы и разсматриваемыхъ, какъ явленія внѣшняго предметнаго міра. Нынѣшняя психологія сама себя признаетъ естественновѣдѣніемъ. Если мы избавимся отъ гипноза ходячаго, искаженнаго значенія словъ и вернемся къ ихъ истинному, внутреннему смыслу, то мы легко поймемъ, что (это значить: это значитъ, что современная такъ называемая психологія есть вообще не *психо-логія*, а *фізіо-логія*). Она есть не ученіе о душѣ, какъ сферѣ нѣкой внутренней реальности, которая—какъ бы ее ни понимать—непосредственно, въ самомъ опытномъ своемъ содержаніи, отдѣляется отъ чувственно-предметнаго міра природы и противостоитъ ему, а именно ученіе о природѣ, о внѣшнихъ, чувственно-предметныхъ условіяхъ и законмѣрностяхъ сосуществованія и смѣны душевныхъ явленій. Прекрасное обозначеніе „*психологія*“—ученіе о душѣ—было просто незаконно похищено и использовано, какъ титулъ для совсѣмъ иной научной области; оно похищено такъ основательно, что, когда теперь размышляешь о природѣ души, о мірѣ внутренней реальности человѣческой жизни, какъ таковой, то занимаешься дѣломъ, которому суждено оставаться безымяннымъ или для котораго надо придумать какое-нибудь новое обозначеніе. И даже если примириться съ новѣйшимъ, искаженнымъ смысломъ этого слова, нужно признать, что, по крайней мѣрѣ, три четверти такъ называемой эмпирической психологіи и еще большая часть такъ называемой „экспериментальной“ психологіи есть не чистая психологія, а либо психо-фізика и психо-фізіологія, либо же—что точнѣе уяснится ниже—изслѣдованіе явленій хотя и не физическихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не психическихъ.

Мы не хотимъ здѣсь поднимать вопроса о цѣнности этихъ привычныхъ уже для насъ наукъ; болѣе того, мы не сомнѣваемся, что, несмотря на смутность понятій, лежащую въ ихъ основѣ и препятствующую ихъ нормальному развитію, они дѣлаютъ въ своей области нѣчто цѣнное и полезное. Одно лишь

несомнѣнно: живой, цѣлостный внутренній міръ человѣка, человѣческая личность, то, что мы внѣ всякихъ теорій называемъ нашей „душой“, нашимъ „духовнымъ міромъ“, въ нихъ совершенно отсутствуетъ. Онѣ заняты чѣмъ-то другимъ, а никакъ не имъ. Кто когда-либо лучше понялъ себя самого, свой характеръ, тревоги и страсти, мечты и страданія своей жизни изъ учебниковъ современной психологіи, изъ трудовъ психологическихъ лабораторій? Кто научился изъ нихъ понимать своихъ ближнихъ, правильно строить свои отношенія къ нимъ? Для того, чтобы въ настоящее время уяснить себѣ человѣческую жизнь, свою и чужую, нужно изучать произведенія искусства, письма и дневники, біографію и исторію, а никакъ не научную литературу психологіи. Достоевскій и Толстой, Мопассанъ и Ибсенъ,—Флоберъ, Геббель, Амьель въ своихъ дневникахъ и письмахъ,—Карлейль, Моммсенъ и Ключевскій—вотъ единственные учителя психологіи въ наше время; тогда какъ въ ученыхъ трудахъ по психологіи мы лишь изрѣдка, какъ случайные дары, найдемъ живыя и цѣнныя мысли, да и то лишь постольку, поскольку ихъ авторы, какъ личности съ самостоятельной жизненной психологической интуиціей, непроизвольно и какъ бы противозаконно возвышаются надъ официально установленной плоскостью „научнаго“ обсужденія вопросовъ. Чаше уже нужный матеріалъ дѣйствительной психологіи найдется среди талантливыхъ клиническихъ наблюденій надъ душевнобольными; и характерно, что, быть можетъ, самое цѣнное и интересное въ современной психологической литературѣ заимствуется ею у психопатологіи, поскольку послѣдняя основывается на живыхъ наблюденіяхъ надъ личностями и характерами, какъ живыми цѣлыми.

II.

Изъ послѣднихъ указаній ясно, что и наше время, конечно, не вообще лишено интереса къ человѣческой душѣ и сущности человѣческой жизни. Да и было бы совершенно невѣроятно, чтобы этого не было. То, что въ настоящее время отсутствуетъ и отсутствіе чего мы болѣзненно ощущаемъ, есть именно научное, чисто теоретическое познаніе существа человѣческой души. И такъ какъ интересъ къ этому предмету, вообще говоря, никогда не можетъ исчезнуть у человѣка, то за отсутствіемъ научнаго его удовлетворенія онъ выражается въ иныхъ формахъ. Характерное для послѣднихъ десятилѣтій пробужденіе религіоз-

наго сознанія и религіозныхъ интересовъ привело и къ возрожденію религіозныхъ ученій о душѣ — ибо религіозное сознаніе, конечно, прежде всего ставитъ вопросъ о смыслѣ и назначеніи человѣческой жизни. Это религіозное возрожденіе само по себѣ можно и нужно только привѣтствовать. Не говоря уже о томъ что оно имѣетъ свою собственную очевидную цѣнность, оно весьма существенно даже для успѣха чисто-научнаго знанія, ибо ведетъ къ расширенію и углубленію человѣческаго опыта. Ничто не характеризуетъ такъ ярко поверхностности, непродуманности ходячаго научнаго эмпиризма, какъ его непониманіе и принципиальное недопущеніе имъ нѣкоторыхъ основныхъ формъ опыта. Позитивистическій эмпиризмъ, въ сущности, недалеко ушелъ отъ того анекдотическаго схоластика, который запрещалъ усматривать черезъ телескопъ пятна на солнцѣ, потому что у Аристотеля ничего не сказано про нихъ. Вопреки этимъ предубѣжденіямъ, именно съ точки зрѣнія эмпиризма должно было бы быть ясно, что всякое расширеніе и углубленіе опыта ведетъ къ обогащенію знанія. И въ этомъ смыслѣ нужно сказать: для того, чтобы познавать человѣческую душу, нужно прежде всего имѣть ее опытно, нужно научиться опытно ее переживать — и именно этому научаетъ религіозное сознаніе. Лишь религіозный человѣкъ способенъ имѣть подлинное живое самосознаніе, ощущать въ себѣ „душу живу“; или, быть можетъ, вѣрнѣе сказать: религіозность и самосознаніе въ этомъ смыслѣ есть именно одно и то же. Прославленное въ учебникахъ психологіи самонаблюденіе просто невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ никакой „самости“, какъ особаго объекта, гдѣ въ непосредственномъ живомъ сознаніи міръ внутренней жизни не выдѣлился, какъ особая, специфическая реальность, отъ чувственно-предметнаго бытія. Въ этого условія не существуетъ *само*-наблюденія, а остается лишь наблюдение единичныхъ, оторванныхъ отъ своей родной стихіи, душевныхъ процессовъ, сознаваемыхъ лишь на чуждомъ имъ по существу фонѣ внѣшне-предметнаго міра, о чемъ мы уже говорили. Поэтому какъ философія вообще, такъ и въ особенности философія души — то, что въ единственно-подлинномъ смыслѣ заслуживаетъ названія психологіи — издавна и постоянно питалась религіозными интуиціями, зависѣла отъ живыхъ опытныхъ достижений религіознаго сознанія. Начиная съ Упанишадъ, съ Гераклита и Платона и кончая Достоевскимъ, Ницше и Эдвардомъ Карпентеромъ подлинныя успѣхи психологіи были обусловлены обостреннымъ религіозно-нравственнымъ сознаніемъ.

Тѣмъ не менѣе—и къ этому мы ведемъ здѣсь рѣчь—религиозная интуиція никогда не можетъ сама по себѣ вытѣснить научное знаніе и замѣнить его собою—такъ же, какъ въ другихъ областяхъ знанія никакое несистематическое, чисто-жизненное опытное знакомство съ предметомъ не дѣлаетъ ненужнымъ научную, систематически-логическую обработку этого сырого опытного матеріала. Форма научнаго знанія, переработка опыта въ логическую систему понятій, въ строгую послѣдовательную связь оснований и слѣдствій есть единственный практически доступный человѣку способъ достигнуть максимума осуществимой достовѣрности, точности и полноты знанія. Это есть великій способъ проверки и очищенія знанія, отдѣленія въ немъ истины отъ субъективныхъ мнѣній, приданія ему внутренней ясности и обозримости. Въ этомъ условія знанія, даже поскольку оно истинно, не имѣетъ общедоступнаго критерія истинности, и ему угрожаетъ всегда смѣшеніе съ субъективной фантастикой; или, въ лучшемъ случаѣ, будучи самоочевиднымъ и достаточно достовѣрнымъ для самого субъекта интуиціи, оно лишено вѣрныхъ, прочныхъ путей для его передачи другимъ людямъ, и его усвоеніе зависитъ отъ непрровержимыхъ случайностей таинственнаго пути непосредственнаго духовнаго зараженія. При всей относительности и производности значенія научнаго знанія—въ условіяхъ человѣческаго сознанія, для котораго живая интуиція есть лишь нечастый и недлительный даръ, такъ что большая часть нашей умственной жизни проходитъ лишь въ стремленіяхъ къ ней или воспоминаніяхъ о ней,—научное знаніе—знаніе, которое мы въ другомъ мѣстѣ назвали отвлеченнымъ ¹⁾—есть единственная форма общедоступной и общеобязательной объективности. Его можно было бы сравнить съ правовымъ порядкомъ общественной жизни человѣчества, который тоже питается исключительно живыми, неподдающимися нормировкѣ социальными чувствами и при отсутствіи послѣднихъ превращается въ пустой и мертвящій формализмъ, но отсутствіе котораго, при условіяхъ земной, порочной человѣческой природы, ведетъ не къ углубленію и оживленію социальныхъ связей, а лишь къ деспотизму или анархіи. Прекраснодушный романтизмъ, презирающій объективныя нормы и желающій предоставить совершенную свободу живому чутью личности, при фактическихъ

¹⁾ О всей этой темѣ см. наше изслѣдованіе: *Предметъ знанія. Обь основахъ и предѣлахъ отвлеченнаго знанія*, въ особенности гл. VI, VII, IX и XII.